

На крыше ночная темнота казалась тяжёлой: свет фонарей из переулка сюда не доставал, и луна без помех лила вниз свой призрачный свет. Ни дым, ни шум людских голосов снизу сюда не долетали. Тут царил только лёгкий ночной ветерок, было необычайно тихо и спокойно.

Лян Сычжэ не в первый раз забирался на крышу. До него, кроме рабочих по ремонту крыши, наверное, никто не поднимался сюда. На первый и второй этажи приходили лишь гости, а постояльцы третьего этажа уходили рано и возвращались поздно — только чтобы переночевать под крышей, а не под открытым небом. С чего бы им карабкаться наверх в поисках покоя? Присев, Лян Сычжэ отодвинул кирпич на одном из углов крыши и достал газету — он оставил её здесь несколько ночей назад. Подстелив газету, он сел, свесив ноги с края крыши. Многие боятся высоты, но Лян Сычжэ был исключением: он даже любил стоять на высоте и смотреть вниз — чем выше, тем лучше.

Он снял гитару с плеча и положил её на колени, правой рукой небрежно перебирая струны. Тот певец был прав — после замены струн звук стал неплохим. «Надо угостить его обедом» — подумал Лян Сычжэ. Он начал «пиликать» на скрипке в четыре года и в следующие семнадцать лет он дольше играл на скрипке, чем спал. Его музыкальная школа славилась талантами, и Лян Сычжэ был одним из лучших. Помимо своего основного инструмента — скрипки, он играл и на других струнных: виолончель, альт, гитара, контрабас... Все струнные похожи. Лян Сычжэ виртуозно играл на скрипке и легко освоил инструменты семейства струнных.

У гитары было шесть струн, а не четыре, как у скрипки. Игра не ней ощущалась по-другому. Припоминая технику игры на гитаре, он занёс левую руку над струнами гитары, застыв на месте. Что сыграть? Он перебирал в голове музыкальные композиции, которые выучил за эти годы. «Серенада», «Кармен», «Канон», «Лебеди», скрипичный концерт «Бабочки-влюбленные», Бах... Партитуры, казалось, влились в его кровь, были выгравированы на костях. Он не прикасался к скрипке уже больше года, но музыка, которую он играл несчётное количество раз, оставалась в его сознании чёткой и яркой. Так что... он сыграет ту самую мелодию, которую играл в последний раз. Действительно, прошло уже много времени...

—

Цао Е сидел на кровати, разминая руки, шею и плечи. Этот парень... его звали Лян Сычжэ, верно? Ни за что бы не подумал, что он умел делать что-то подобное. Зачем он туда забрался? Поразмислить о жизни? Открыв окно, Цао Е высунулся по пояс и посмотрел наверх, но ничего не увидел. Его любопытное сердце, как и прежде, не давало ему покоя, и теперь оно извивалось и зудело, подталкивая Цао Е забраться наверх и посмотреть, что там происходит. Смелость горячо поддержала любопытство, поэтому, когда в нём зародилось намерение, одна

нога Цао Е уже оказалась на подоконнике. Он ухватился за край окна и, пригнувшись, вылез наружу. Он проделал всё то же, что и Лян Сычжэ, только окно забыл закрыть. Лян Сычжэ забрался на крышу, словно это было легче лёгкого, однако Цао Е не торопился и был очень осторожен. Три составляющие успешного покорения крыши — длинные ноги (иначе не дотянуться до железной пластины, соединяющей водопровод со зданием), лёгкий вес (потому что годы, ветер и дожди не прибавляют прочности железу) и сильные руки (чтобы крепко хвататься и подтягиваться). По случайному стечению обстоятельств, Цао Е был счастливым обладателем всех трёх.

Но вот проблема: он немного боялся высоты. Глядя вниз с карниза четвертого этажа, он чувствовал, как его сердце раскачивается взад-вперёд, как на качелях. Цао Е солгал бы, если бы сказал, что не жалеет о том, что полез наверх. «Импульсивность — зло» — думал Цао Е, разрываясь между любопытством, которое подгоняло вверх, и страхом, который тянул за ноги вниз. Цао Е на мгновение закрыл глаза и решил, что полезет наверх. Любопытство, конечно, погубило кошку, но лучше уж подняться, чем слушать всю ночь завывания со второго этажа. К пятому этажу шум караоке утих.

На крыше сквозь шелест листьев была чётко слышна другая музыка, и Цао Е сразу вспомнил гитару, которую рука Лян Сычжэ вытащила через окно. Мелодия спотыкалась, словно её играл новичок, которому требовалось время, чтобы найти нужный ритм.

«Лезть на крышу, прилагая огромные усилия, чтобы попрактиковаться в игре на гитаре? Какая пустая трата времени» — подумал Цао Е. Он ухватился одной рукой за водопроводную трубу, другой за край крыши и, собравшись с силами, оттолкнулся, чтобы забраться наверх. Когда одна его нога оказалась на крыше, он подтянулся изо всех сил и наконец забрался наверх. Цао Е похлопал себя по бёдрам, стряхивая пыль, и направился к Лян Сычжэ. Он мягко ступал, двигаясь очень медленно, каждый его шаг точно попадал в ритм мелодии Лян Сычжэ. Подойдя ближе, чтобы не испугать, он положил руку на шею Лян Сычжэ, и, наклонившись к самому его уху, тихо сказал:

— Эй!

Лян Сычжэ на внезапное прикосновение и появление человека среагировал довольно сдержанно: только слегка напрягся и перестал играть. Подняв голову, он посмотрел на Цао Е, на его лице не было ни радости, ни гнева. Он спросил:

— Как ты сюда забрался?

— Неожиданно, правда? — самодовольно произнёс Цао Е, процитировав клише из фильмов или сериалов. — Я, Цао-младший, везде смогу пройти, эти два этажа — пустяки для меня, — он отпустил Лян Сычжэ, присел рядом и, взглянув вниз, удивился: — Ого, действительно высоко.

Лян Сычжэ отложил гитару в сторону. Он не ожидал, что Цао Е заберётся следом. Подъём был не таким уж простым — поднимаясь в первый раз, он едва не застрял между четвёртым этажом и крышей. Постепенно разобравшись в конструкции здания и осмелев, он стал ловко взбираться сюда, но и подумать не мог, что Цао Е хватит духу следовать за ним. Лян Сычжэ не подал виду, но был немного раздражён. В первую ночь, когда он забрался сюда, посмотрев на просторную плоскую крышу, он сел на противоположном крае, спиной к улице Иньсы. Прохладный ветерок обдувал его, он смотрел на поток машин неподалёку и радовался, что оставил позади все эти громкие звуки и удушливые запахи. Тогда он был так же расслаблен, как теперь был раздражён. На его территорию вторглись, и он чувствовал себя неуютно: теперь ему негде в одиночестве залечивать раны.

Цао Е ещё не понял, что ему не рады. Он с любопытством повернулся к Лян Сычжэ:

— Ты только что играл на гитаре?

Лян Сычжэ, глядя на проезжающие мимо машины, невыразительно откликнулся:

— Угу.

— Тогда... почему бы тебе не продолжить? Я тебя потревожил?

Лян Сычжэ хотел сказать: «Разве это не очевидно?», но дойдя до рта, слова растеряли агрессию:

— Ничего страшного.

Цао Е взял лежащую рядом деревянную гитару, легко коснулся струн и пробормотал:

— Новички же должны начинать с Twinkle Twinkle Little Star [1], зачем играть «Дьявольскую сонату»?.. [2]

[1] Колыбельная <https://www.youtube.com/watch?v=yCjJyiqpAuU>

[2] <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=t-12Ti2feNE>

Лян Сычжэ был ошеломлён. Он играл ужасно, и самое начало, но Цао Е всё же узнал «Дьявольскую сонату»? Цао Е не слишком заботила реакция Лян Сычжэ — он возился с гитарой, опустив голову, ища каждую ноту, тихо напевая под нос. Играл он не лучше Лян Сычжэ: извлекал отдельные ноты, но навыками исполнителя не обладал. Однако его молодой голос звучал чисто, и слова падали в тишину каплями удивительного умиротворения:

Twinkle twinkle little star

How I wonder what you are

Up above the world so high

Like a diamond in the sky

Ты мигай, звезда ночная!

Где ты, кто ты — я не знаю.

Высоко ты надо мной,

Как алмаз во тьме ночной.

(перевод О. Седаковой)

Цао Е знал только эти четыре строки. Неуклюже сыграв их, он смущённо улыбнулся Лян Сычжэ:

— Играю ещё хуже тебя.

Раздражение в душе Лян Сычжэ уже почти улеглось, ведь они были не в Яньчэне, и Цао Е не был его одноклассником из музыкальной школы. Здесь, в Пекине, его никто не знал. Цао Е был сыном известного Цао Сююаня. Лян Сычжэ понял, что может себе позволить быть начинающим гитаристом, начинающим скрипачом, быть настолько смелым и уверенным, насколько захочет, не важно, хорошо или плохо он играет. Ему не нужно было беспокоиться о том, что кто-то обнажит его шрамы. Это чувство было просто замечательным.

Казалось, что появление Цао Е больше не причиняло неудобства, но как Цао Е узнал на слух «Дьявольскую сонату»? Может, он тоже учился играть на скрипке? Это произведение было довольно сложным и не было известно широкой публике. Тот, кто смог узнать произведение, услышав короткий отрывок, хорошо с ним знаком, верно? Однако Цао Е молча возился с гитарой, и Лян Сычжэ не стал его спрашивать.

Некоторое время они молча сидели на ветру, прежде чем Цао Е заговорил:

— Внизу слишком шумно. Это каждый вечер так?

— Да. Это такой бизнес, — ответил Лян Сычжэ.

— Как ты спишь в таком шуме?

Лян Сычжэ посмотрел на него.

— Разве ты только что не спал?

— О... Я не спал. — Цао Е взъерошил волосы. — Я размышлял о жизни.

Может ли человек отлежать полтела во сне, а не просто задумавшись? Лян Сычжэ решил, что этот юноша тот ещё сюрприз.

— О чём конкретно?

— Кто я, откуда... куда я иду... — Цао Е притворился задумчивым.

Лян Сычжэ улыбнулся и не стал продолжать расспросы. Цао Е сидел рядом с Лян Сычжэ, упираясь руками в бёдра. Ему казалось, что так безопаснее, чем сидеть на краю, как Лян Сычжэ, чувствуя, что в любой момент можешь упасть. Улыбка Лян Сычжэ напомнила Цао Е о парне Линь Яня. Их нельзя было сравнивать — тот парень был хуже Лян Сычжэ во всех отношениях.

— Ты чувствуешь себя в безопасности, сидя здесь? — Цао Е счёл нужным спросить об этом. — Почему бы тебе не отодвинуться немного назад? На такой высоте довольно опасно.

— Всё в порядке, — Лян Сычжэ не принял его всерьёз. — Я привык так сидеть, не упаду.

Через некоторое время Цао Е снова заговорил.

— Если хочешь научиться играть на гитаре, начни с Twinkle twinkle little star. Эта песня — хорошее соотношение цены и качества. Достаточно выучить всего четыре фразы, и ты уже выучишь всю песню.

— Это правда, — улыбнулся Лян Сычжэ

— Хочешь, научу? Будем выступать на улицах, сможем заработать немного денег на еду.

— Заработать на еду не так уж и просто... — протянул Лян Сычжэ.

— Думаешь, парой строк, что я только что спел и сыграл, можно заработать на обед?

— Мечтай... — Лян Сычжэ слегка хихикнул и оглянулся: Цао Е смотрел на него грустными щенячьими глазами:

— Сычжэ-гэ, не мог бы ты угостить меня? Я скоро умру с голода, у меня в кармане ни копейки...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130224>